

Василий ПАВЛОВ:

«Я ГРИМИРОВАЛ МИХАИЛА БУЛГАКОВА»

Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза, ветеран Халхин-Гола, финской и Отечественной войн Василий Георгиевич Павлов прославил себя ратными делами. Но была в его биографии и такая страница: в тридцатые годы он, работая во МХАТе, не раз гримировал Михаила Булгакова перед выходом на сцену...

— Василий Георгиевич, как вы попали во МХАТ?

— Я родился и до 15 лет рос в деревне. Нас было пятеро, и все ребята. Старшие братья, вырастая, стремились в Москву, а самый старший ушел в театр, потому что там театральным сапожником работал отец. А до революции он служил в театре Зимина — филиале Большого. Отец страшно гордился тем, что обувал Шаляпина и Собинова. Помню, он не раз говорил: «Шаляпин — скряга, по праздникам на бутылку никогда не давал. А вот Собинов — это человек...»

Я пошел по стопам старшего брата. Правда, не по доброй воле, а почти принудительно, потому что меня тянуло к технике, хотелось освоить токарное, слесарное дело. Но так получилось, что отец взял меня в Москву.

— Вы помните этот день?

— Это был день моего рождения — 18 апреля 1931 года. Прекрасный солнечный день, как сейчас помню, — на Пасху. До станции было 9 километров, и я прошел их пешком — по обледенелой дороге, сколько было, вода текла... Приехал в Москву, и на следующий день отец привел меня, буквально за руку, за кулисы Художественного театра. Я должен был быть либо учеником портного, либо учеником гримера. По примеру брата выбрал второе.

Ученики первые месяц-два были на побегушках... Но постепенно стали налаживать отношения с людьми. Мне сразу же стали доверять: кому подклеить усики, кому паричок приладить, кому лоб заретушировать, кому тон наложить на лицо. И вот когда я был учеником примерно третьего разряда, мог уже и гримировать немножко, один человек, который приходил на спектакль раньше обычного, как-то попросил меня: «Вася, подгримируй меня». Это был Михаил Афанасьевич Булгаков.

— В каком году это было?

— В 1933-м.

— Вы видели Булгакова раньше?

— Да, я его видел и до этого, знал, что это Булгаков — автор «Дней Турбиных», что уже начали репетировать его новую пьесу «Мольер». Булгаков располагался в уединенной артистической убор-

ной на 3—4 человека (для участников массовых сцен другая была уборная — человек на 20). Как я потом понял, он там немного писал.

Я сейчас очень горжусь тем, что мне довелось гримировать Булгакова. Зрительно представляю этот парик мольеровский, французский пудренный парик, который я ему надевал, подкрашивал... Булгаков не молчал, он расспрашивал меня о деревне, интересовался, как там мать поживает...

— Насколько известно, Булгаков в «Мольере» не играл, будучи автором пьесы, сорежиссером спектакля, прекрасным актером и вообще человеком театра, он мог, конечно, примерить костюм мольеровской эпохи и загримироваться. Но не произошло ли в данном случае наслоение ваших воспоминаний о спектакле «Пиквикский клуб», где Булгаков играл Судью?

— Возможно, так оно и есть. Мне не раз доводилось гримировать Булгакова для роли Судьи. И потом — любой завитой парик мы называли «мольеровским».

— Вы смотрели «Пиквика»?

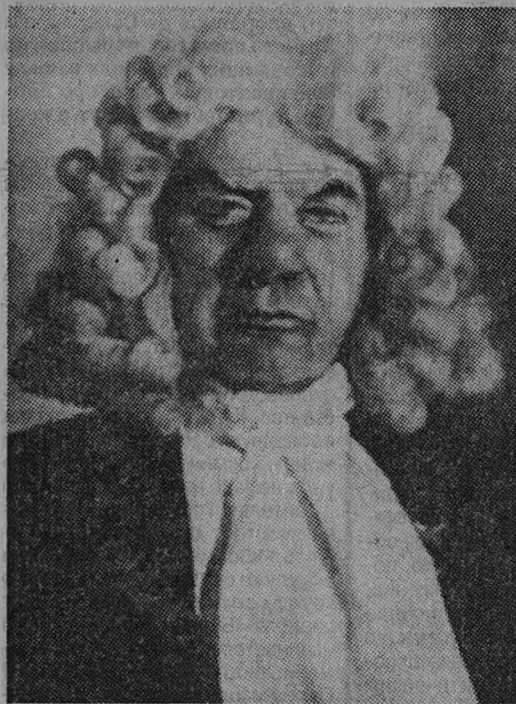
— Ну а как же! Не раз...

— И как вам показался Судья?

— Ну это надо было видеть!

— Вы упоминали об актерской работе Булгакова в «Днях Турбиных». Кого он играл? Марк Прудкин вспоминает, что во время летних гастролей МХАТа в 36-м году в Киеве Булгаков повел «турбинцев» в здание бывшей Александровской гимназии, где когда-то учился, и прямо на маршах парадной лестницы сыграл им почти всю сцену «В гимназии» — и за Алексея Турбина, и за его брата Николку, и за петлюровцев. По свидетельству Е. С. Булгаковой, он «очень хотел сыграть гетмана в «Турбинах». Это была его мечта...». Но, насколько известно, Булгаков ни гетмана, ни кого-либо другого в «Турбинах» не играл...

— Нет, нет, я хорошо помню его в массовых сценах. Вот этот его картузик с блестящим козырьком, с кокардой, шинель... Прямо как сейчас вижу. Не буду утверждать, что это была его постоянная роль. Но я несколько раз видел его в массовке. В конце концов он мог

заменять кого-то. Дело обычное. Мне самому как-то пришлось заменить Якова Ивановича Лакшина в «Квадратуре круга» Катаева (точнее, я подменил актера, который в свою очередь подменил заблужденного Лакшина). Роль, разумеется, была эпизодическая и без слов: мне надо было выйти с гитарой и кому-то там подпеть. Так что уж говорить о Булгакове, который был прекрасным актером.

Михаил Афанасьевич участвовал еще и в спектакле «Реклама». Он играл присяжного — в массовой сцене, без слов. Я несколько раз гримировал его. Это был интересный спектакль, главную роль в котором исполняла Андровская.

— Что это за пьеса? Когда она шла?

— Спектакль шел примерно до 35-го года. Это сатира на американское законодательство, на американский суд. Сперва я, признаюсь, думал, что Михаил Афанасьевич играет просто для интереса. Но потом понял, что его и материальная сторона поджимала...

— Его с 26-го года у нас не печатали, а с заграничных публикаций и постановок он ничего не получал. Из пьес относительно повезло только «Турбиным». Достаточно вспомнить его письмо правительству СССР от 28 марта 1930 года, в последних строках которого он говорит, что у него, «драматурга, написавшего 5 пьес, известно в СССР и за границей, нищета, в данный момент, — нищета, улица и гибель». Именно

после этого письма Булгаков взяли во МХАТ. Тем не менее театр стал «кладбищем пьес» драматурга.

— Я тогда этого не понимал, поскольку многого не знал. В моем представлении, Булгаков — известный писатель, значит, он в полном достатке. Хотя, действительно, одевался он очень скромно. Я никогда не видел у него таких костюмов, как, например, у Качалова, Ливанова, Кторовы...

С Булгаковым общались все. Если шел спектакль «Дни Турбиных», то очень часто с ним разговаривали Прудкин, Хмелев, Добронравов. Если шел спектакль «У врат царства», — Булгаков подолгу беседовал с Качаловым.

— Василий Георгиевич, расскажите о спектакле «Мольер».

— «Мольера» готовили 4 года. Это была работа очень тяжелая, интереснейшая — для всех категорий работников, начиная от бутафоров, рабочих сцены, портных, гримеров. Скажем, надо было изготовить парика ста париков! На заключительном этапе мы работали день и ночь. И репетиции шли день и ночь. Помню собрание, где выступал Виктор Яковлевич Станицин: «Товарищи, мы уже четвертый год репетируем, я скоро устарею для этой роли, надо же форсировать как-то...»

Перед генеральной репетицией показали спектакль «для пап и мам». Была такая традиция, когда новые спектакли показывали вначале для членов семей: все участники, включая рабочих смены, имели право пригласить на просмотр своих близких. И этот просмотр, и генеральная репетиция прошли блестяще.

Потом была премьера. Спектакль прошел семь раз. На одном из просмотров побывал кто-то из правительства, через несколько дней появилась разгромная подвальная статья в «Правде», и спектакль закрыли.

Как было объявлено в статье, «идеологический спектакль не выдержан». По разговорам я понял: признано неверным, что Мольер возмущался против короля только тогда, когда Людовик XIV запре-

тил ставить его самые ходовые пьесы, такие, как «Тартюф». А запретил после того, как узнал, что Мольер женился на собственной дочери. Булгакову предложили исправить это. И чтобы Мольер свою ненависть к королю выразил до того, как тот запретил его пьесы. Переделывать текст, вводить новые сцены Булгаков категорически отказался. На этом, собственно, с «Мольером» было покончено.

— Булгаков ушел из Художественного театра осенью 36-го года. Вы ушли осенью следующего года. Судьба ваша резко переменялась.

— Энергии у меня в те годы было очень много, я буквально не знал, куда ее девать. Занимался почти всеми видами спорта. И в футбол играл — вместе с Ближниковым, Грибовым, Кторовым. Боксом занимался, борьбой, четыре года председателем бюро физкультуры был. Я даже организовал кружок бального танца. Летом 36-го в Художественный театр пришла разгерметизация: выделить двух кандидатов для учебы в аэроклубе. Так как театр купил два самолета, то надо было подготовить двух летчиков. Тогда был лозунг: «Все на самолеты». Комиссию я прошел, поступил в аэроклуб и через год закончил его. На том, собственно, «театральная карьера» кончилась.

Осенью 37-го я должен был пойти служить в армию — в качестве гримера в Центральном театре Красной Армии. Этого мне не очень хотелось. Но тут приехала государственная комиссия, меня вызвали на проверку техники пилотирования и отобрали для учебы в Борисоглебской школе летчиков-истребителей. Я так подумал: чем два года в театре гримером служить, лучше уж полетаю. Попал в отряд ускоренной подготовки и в декабре 38-го получил звание младшего лейтенанта.

Надев новенькую форму, являюсь в Художественный театр — с блестящими петлицами, со скрипучими ремнями, «петухом» на левой руке. Естественно, сразу пошел к отцу, в его сапожную. Выпили немножко... Как раз шел спектакль «У врат царства». Это был мой спектакль. Василий Иванович Качалов меня встретил буквально со слезами... Это была встреча необыкновенная... Как сейчас помню, Василий Иванович, обратившись ко мне по имени-отчеству (он всех почему-то помнил и называл по имени-отчеству; откуда у него такая феноменальная память, я не представляю), сказал: «Василий Георгиевич, как я завидую твоей молодости и твоему положению...»

С этим напутствием Качалова я уехал в Забайкалье продолжать службу. А дальше была война...

Вел беседу
Александр РОГОВ.

● М.А. Булгаков в роли председателя суда в спектакле «Пиквикский клуб».